

В краю Тургенева и Фета

«Любви и осени мотивы...»

Сколько проникновенных слов, задушевных песен посвящено любви к Родине! Кажется, уже нельзя выдумать ни одного нового речевого оборота, чтобы воспеть милый сердцу край, город или село, лес, поле или реку. И всё-таки не иссяк песенно-поэтический родник, питающий это святое чувство, ныне, как и прежде, звучит простое, не пафосное признательное слово к Родине. Звучит оно тихо и раздумчиво, живит и волнует читателя ясностью, образностью, сердечностью.

Нет, никогда Отчизна не перестанет восторгать поэтов неизбывной, хотя подчас неприметной красотой каждого своего уголка, любой малой глубинки, близкой ли, далёкой...

В подтверждение тому представляем вниманию читателей поэтическое признание в любви к Родине поэтов, членов Союза писателей России Елены Ковалёвой и Алексея Сухинина.

* * *

Зонты, зонты, вокруг одни зонты!
В урюмых рощах листья облетели
И вглубь дворов упрятались коты;
Земля слегка обрызгивая чёрным телом,
Зонты горят в её скупой постели
И пёстрой добавляют красоты.
Который день уже идут дожди?
Скорей, четвёртый. Может, даже пятый.
Ноябрь — как дубль очередной отснятый,
Немой тоской отложится в груди.
А в доме — печь и вкусно пахнет мятой,
Как «отче наш» ты мне читаешь клятвы
И вновь твердишь своё: «Не уходи!»
Я не уйду. Какой теперь резон
Менять давно настоянные вкусы?
Сказать по чести, я уже влюблён
В твой лёгкий стан, коралловые бусы
И в эти шторы, скрученные в узел;
Целую в лоб, вновь называя музой,
И от воды твой встряхиваю зонтик.

ПОЛУСТАНОК

Позабитый полустанок
Скрылся в чаще, как подранок,
Два пути, четыре стрелки
Да фонарный столб.
Под столбом коптит дежурка,
Промороженная жутко,
Потолок в густой побелке
И дубовый стол.
В уголке башмак да курбель,
На стене картина с Кубой —
Золотой песок на пляже,
В пальмах берега.
А за дверью вихрь да выюга
Гулко лают друг на друга —
Так, что в снежном камуфляже
Спряталась тайга.
И в дали рябой, суровой
Свистнет редкий маневровый,
Пожилый дежурный с кашлем
Бросит в кипятке
Почерней щепотку чая
И курнёт, гостей встречая;
Машинист рукой помашет:
Будь здоров, браток!
Через час метель утихнет,
Замолчат, угнувшись, пихты,
Отойдёт ко сну бесечно
Весь сибирский лес.
А дежурный тенью пегой
Побредёт один по снегу
Вдоль бегущих, словно в вечность,
Параллелей рельс.

ПО ДОРОГЕ К ХРАМУ

По дороге к храму
Древние старушки
Теребят полушки
Да стучат клюками.
Нищие крестятся,
Умиляясь, плачут,
Кланяясь подачам.
Воробьи бранятся.
Девочки в платочках,
Тихие монашки,
Мальчуган в рубашке,
В тапках без носочков,
Во блаженстве мамы,
Как Христа, младенцев
Греют в полотенцах
У купели храма.
Молодых венчают,
Как веками прежде,
Тут не по одежде —
По душе встречают.
Осень блещет златом,
Догорают клёны,
Колокольным звоном
Тишина распята.
Дол туман укутал
Божьей благодатью,
Растянулись гатью
В вечности минуты.
По дороге к храму
Люд плетётся к Богу,
Узкой той дорогой
Да прямою самой.

АВГУСТ

В дом ко мне зашёл проститься
Август — месяц звездопада.
В уголке коптит лампада,
Застонали половицы,
На столе пирог из яблок;
Во дворе, увидев кошку,
Пляшет румбу на окошке
Хитрый Васёк — рыжий бабник.
Через дверь трещат цикады,
Старый пёс рябой породы
Воет опусы и оды
Засыпающему саду.
Мы, греша сервизом чайным,
Пили сидр, кричали тосты,
Август бережно и просто
Разгадал мои печали.
Он тайком ушёл с рассветом
Плачем мухи в паутине,
Сквозняком качнул картины
И забрал с собою лето...

ЕЛЕНА
КОВАЛЁВА

ВЕЧЕР

Край Онежский, в Белом море
Тают отсветы заката,
Избы — стены их и скаты
Крыш тесовых солнцу вторят —
Блещут золотом червонным.
Но не радость, а томленье
В тихом зареве — темнеет
И дрожит в стекле оконном
Золотой осколок света.
Не поймать в рыбацьи сети
Луч последний, даже дети
Грустью вечера задеты.
И рыбак бредёт устало,
Позабыв про тяжесть вёсел:
Вспомнил, сколько светлых вёсел
В край закатный убежало.

ПОЛЁТ

Оттенка жаркого рубина
Воздушный шар налит теплом.
Вот пути сброшены — корзина
Взлетает... Ветром повлекло
Её к весеннему закату,
К тугим крахмальным облакам —
В тот край, где, кажется, когда-то
Так безмятежно было нам.
В те невозвратные пределы,
Где светом полна душа
Вот так же огненно адела,
Как этот шар...

ЭТЮДЫ В КОЛОМНЕ

Городок идилически скромный
У восточных пределов Москвы —
Небеса высоко над Коломной
И Успенского храма главы.

По златому рассветному краю
Облака контражуром — легки,
Вот и прошлого образы тают,
Словно дымка над руслом реки.

Позабылись мамаев набег,
Время смуты и злая чума —
Растворяются в утренней неге
Позапрошлого века дома.

Лишь художник, настроив треногу,
Силуэты лова облаков,
Непонятную слышит тревогу
Сквозь незыблемый купол веков.

ИНЦЫ

Деревня Инцы — вечно здесь туман
И небо тесно сходится с землёю,
И обнимает стынущий лиман,
Укутывая нежной кисеёю
Скупые очертанья маяка.
Так славно, что он заново отстроил!
И виден на холме издалека,
И светит сквозь безмолвие ночное.
А крест поодаль также стар и сед —
Надежд моряцких кроткая примета.
Пусть надписи «Инцы» на нём уж нет,
Что значило «Иисус из Назарета,
Царь Иудеи», но сквозь млечность лет
Он тянет нить невидимого света.

ДОЛИНА ПРИВИДИЙ. ДЕМЕРДЖИ

Твой снимок наподобие окна мне
Открыл далёкий вид на Демерджи —
Шершавые фаллические камни
В оправе ржавых листьев — миражи,
Чуть тронутые ветхостью осенней,
Обласканные гаснувшим теплом —
Насельники Долины привидений.
Проникнуть за экранное стекло
Усилим невидимого глаза
Не трудно, вспомнив древние рассказы —
Страшилки для татарской детворы —
О саблях — чадах адской наковальни,
О колдуне... Миную гул вокзальный,
Всхожу на пик дымящейся горы.

АЛЕКСЕЙ
СУХИНИН

В БЕССОННЫЙ ЧАС

В бессонный час пишу под ночником
Про этот мир, где ничего не ново;
Стучится ветер пятернёй кленовой,
Тугую дверь приоткрывая снова,
Где ёж сопит над блюдцем с молоком.

А бабочка шуршит в пустом окне
И бьётся в ожидании свободы,
Но в грифельном болоте небосвода
Бессчётный день гуляет непогода,
Дождями разбредётся по всей стране —

Забудь Богом и при том святой,
Такой духовной, но порой бездушной,
Мятежной, терпеливою, послушной,
А в скорбный миг хозяйкою радушной,
Босых гостей пускавшей на постой;

Что часто получала в спину нож
От вероломных, мнительных и подлых,
Согревшихся, накормленных, безродных,
На поводке, но будто бы свободных
Рабов, передевших в вельмож.

О Русь моя, страна мытарств и мук!
А дождь свинцом стучит по черепице,
И бабочке за шторой вряд ли спится;
Возьму её и, как ночную птицу,
Пущу с руки в распахнутую тьму.

* * *

Привет, родная, как твои дела?
Прости, что не звонил, ведь ты просила.
У вас, наверно, зреют апельсины
Под сенью каталонского тепла?

А что у нас? Сегодня замело
И старый парк, и стадион «Торпедо»,
И тихий двор с ничьим велосипедом,
Прилётшим на затёртое седло.

И, кажется, в дугу согнулся мост,
Разбуженный глухим трамвайным эхом,
А за углом грустит гранитный Чехов,
Взирая на афишных кинозвёзд.

Тот первый снег — начало всех начал,
Подобный только таинству и чуду,
Давай о нём! Я говорить не буду,
Как по тебе отчаянно скучал...

* * *

Когда скиснет заката зарево,
Во дворах уснут звуки вечера,
Ты возьмёшь меня робко за руку,
Человек, нечаянно встреченный.

Будем речи вести вполголоса
И, бродя мостовой старинной,
Созерцать, как луну на полосы,
Будто дольками мандаринными,

Режет тьма; стоворясь, прохожие
Нас двоих тет-а-тет оставили
Лишь с весной разливной, погожею
Да слепыми-глухими ставнями.

Вон церквушка в проулке вроде бы
Появилась, и снова нет её,
Там Николка, босой юродивый,
В ржавой кружке гремит монетою,

Дотянул, горевой, до старости,
Греза коркой да жизнью вечною...
Обещай, что мы не расстанемся,
Человек, нечаянно встреченный.

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

Тепла последнего блаженство —
Плывёт над парком бабье лето,
На лавке леди совершенство
Читает свежую газету.
За ней тихонько наблюдает
Юнец неловкий с сигаретой —
Дымок колыхается и тает
В пятне мерцающего света.
А чуть поодаль эту сцену
Фотограф ловит объективом —
Он знает точно, как бесценны
Любви и осени мотивы.
Так миг забытый и случайный
Застыл на чёрно-белом фото,
Соединяющем с печалью
Предошущение полёта.

В МЕЗЕНИ

Громоздкий дом, открытый всем ветрам —
Где нет плодов в садах, там и ограды
Не строят. Травы горькие прохладу
В июне терпят с горем пополам.
Темна, как ночь, дощатая стена,
И окна, словно чёрные провалы,
Лишь в крайнем зорька свет наколдовала —
Мерцает тихо, словно бы со дна,
Закат, перетекающий в рассвет,
И надо всем в безветрие ночное.
И кажется: у дома за спиною
К концу приходит здешний бледный свет.
Там, чуть пройдя, увидишь край земли,
Созвездий гроздь теплятся за краем,
А дальше — незнаком, но узнаваем
Цветущий сад в немеркнущей дали.

БОЛЬШАЯ СОСНА

Как будто из былины или сна
Явилась и возвысилась главою
До облаков громадная сосна,
От основания ствол её раздвоен.
И, кроной двуединою шумя,
Раскинулась шатром у края леса —
Проладным среди огненного дня.
Его голубоватая завеса
Притягивает взгляд издалека,
И хочется войти под полог тени,
Но подожди, не двигайся пока —
Не видят нас пугливые олени.

